

Жэнь Ши не владел искусством чтения мыслей. И дело было вовсе не в том, что он не мог ему обучиться — скорее, он считал подобное мастерство ниже своего достоинства. С его точки зрения, такие заклинания были совершенно бесполезны и могли заинтересовать разве что вуайеристов; самому же ему не было никакого дела до того, что творится в чужих головах.

После того как он ударил Гу Сюньчжи, в душе Жэнь Ши вместо триумфа поселилось горькое раскаяние. Избиение беззащитного младшего брата — сомнительная радость. Сюньчжи не проронил ни звука, но, глядя на его поникшую фигуру, Жэнь Ши понял: он явно переборщил.

«Возможно, я действительно был неправ».

Мастер Жэнь не относился к тем, кто до последнего отрицает свои ошибки — он провел среди людей не так много времени, чтобы заразиться этой скверной привычкой. Поэтому, отыскав в алхимической лаборатории порошок для удаления застоев крови, он направился в кабинет.

Раны Сюньчжи оказались куда серьезнее, чем он полагал. Нежная человеческая кожа не выдержала силы удара, и теперь на ней проступили пугающие багрово-лиловые отметины. Лишь тогда Жэнь Ши осознал, что его младший брат утратил даже способность управлять защитной истинной ци.

Это заклинание было простейшим из существующих: достаточно было направить малейший ток энергии к месту возможного удара, чтобы защитить плоть. Использовать его мог любой, у кого в теле теплилась хоть капля силы, однако оно требовало предельной концентрации внимания. В настоящем бою оно было бесполезно, зато отлично помогало шаловливым детям избегать боли от телесных наказаний. В детстве Сюньчжи прибегал к нему каждый раз, когда получал взбучку, и даже сильные удары учителя или Жэнь Ши казались ему лишь легкими хлопками.

Тогда его защита была слаба, но поскольку Жэнь Ши и учитель били его лишь ладонями, не вкладывая в удар магию, этого хватало, чтобы унять девять десятых боли. В этот же раз он ударил в полную силу, и без защитной истинной ци травмы были неизбежны.

Глядя на эти следы, Жэнь Ши ощутил укол совести — ему следовало быть осмотрительнее. Пока он наносил мазь, чувство вины в его сердце лишь росло.

— Прости, — выдавил он. — Мне не следовало тебя бить.

Сюньчжи заметно вздрогнул, но тут же отозвался с напускным спокойствием:

— Вы лишь преподали мне урок за проступок, шисюн. В этом нет ничего необычного, стоит ли из-за этого извиняться? Это я стал настолько никчемным, что даже не совладал с защитной истинной ци, чем и заставил вас беспокоиться.

От этих слов Жэнь Ши стало совсем не по себе. Чувствуя, что больше не может смотреть в глаза младшему брату, он закончил со смазыванием ран, всучил флакон Сюньчжи в руки и поспешно скрылся за дверью.

Проводив взглядом уходящего брата, Гу Сюньчжи понял: дело, о котором он хотел просить, теперь наверняка увенчается успехом.

По правде говоря, хотя шисюн сам поднял на него руку, а потом сам же из-за этого замучился угрызениями совести, Сюньчжи ощущал странную неловкость. Ему казалось, будто он коварно воспользовался собственной слабостью, чтобы обвести брата вокруг пальца.

«Впрочем... даже если и так, шисюн вряд ли станет возражать».

Снадобье, принесенное братом, оказалось на редкость действенным: боль утихла почти мгновенно. Сюньчжи решил, что этого достаточно. Еще пара дней — и, закончив все дела, можно будет возвращаться. От этой мысли на душе стало то ли радостно, то ли невыносимо тоскливо.

Когда он уедет, то, вероятнее всего, больше никогда не увидит своего шисюна.

«Я думал, мне хватит одного взгляда, чтобы навсегда оставить прошлое. Почему же теперь, когда я увидел его, мне так больно уходить?»

Но привязанность была бессмысленна. Сюньчжи стиснул зубы и решил: он уедет завтра же, на рассвете.

А раз решение принято, нужно закончить то, ради чего он проделал этот путь. Пока синяки еще не сошли, а раскаяние брата не остыло — самое время просить об одолжении.

Сюньчжи осторожно сполз с узкой кушетки.

При движении он вновь почувствовал резкую боль в ягодицах, только что успокоенных мазью. Сюньчжи с трудом привел себя в порядок и, кривясь от страданий, прихрамывая, поплелся в сторону алхимической лаборатории.

Жэнь Ши все еще был там. Завидев Сюньчжи, он недовольно нахмурился:

— Почему ты не лежишь в постели с такими ранами? Зачем опять пришел?

Сюньчжи виновато, заискивающе улыбнулся:

— Я подумал, что мое долгое пребывание здесь лишь стеснит вас, шисюн, поэтому завтра на рассвете я уезжаю. Но перед отъездом... я смею надеяться на вашу помощь в одном деле.

Жэнь Ши был крайне недоволен. Исчезнуть на столько лет, вернуться в таком плачевном состоянии — и тут же снова в путь?

Будь это любой другой день, он бы силой заставил Сюньчжи остаться, но после недавней вспышки гнева он потерял прежнюю твердость.

— О какой помощи ты просишь? Говори.

По тону брата Сюньчжи понял, что надежда есть, и не спеша изложил суть дела:

— Слышали ли вы, шисюн, легенду о том, как Гаоцзу нашей династии сразил дракона? После него осталась верёвка, связывающая драконов, и ныне она находится в руках моего господина. Он вознамерился пленить дракона, и всё уже готово для этого, не хватает лишь человека, способного покорять и усмирять чудовищ.

Жэнь Ши никак не ожидал, что Сюньчжи придет к нему с подобным, и на его лице мгновенно отразилось глубокое отвращение.

«До чего же скучна и алчна человеческая знать. Им мало всех богатств мира — они желают посягнуть на самую жизнь духовных сущностей».

Даже чувствуя вину перед братом, Жэнь Ши не желал пачкать руки в подобных делах. Заметив тень на его лице, Сюньчжи поспешно добавил:

— Совсем не обязательно, чтобы вы отправлялись туда лично. Если вы знаете подходящего кандидата и порекомендуете его мне, этого будет достаточно.

Едва произнеся это, Сюньчжи понял, что совершил ошибку. Его шисюн всегда презирал знакомства с посторонними, откуда бы у него взялись люди, которых можно представить князю? Боясь немедленного отказа, он поспешил добавить:

— Я знаю, что прошу о многом, заставляя вас искать кого-то. Но для вас это дело — лишь пара пустяков, молю, помогите мне!

От волнения его слова становились всё менее убедительными. Сюньчжи чувствовал, что затея проваливается, и не ошибся — Жэнь Ши заговорил ледяным тоном:

— Я давно живу в уединении на горе Лазурного неба и не желаю иметь ничего общего с мирской знатью. Ты стал их советником — что ж, это твой долг, и я не стану тебя винить. Но

если ты еще раз посмеешь прийти ко мне с подобной просьбой, пеняй на себя — я больше не признаю в тебе брата.

Мастер Жэнь оставался холодным и бесстрастным. Поняв, что надежды нет, Сюньчжи лишь покорно склонил голову:

— Я знал, что вы не захотите ввязываться в это, но надеялся на наше былое родство. Я перешел границы дозволенного, прошу, не сердитесь на меня.

Жэнь Ши промолчал. Сюньчжи, осознав, что не смог достучаться до сердца брата, развернулся и медленно побрел обратно в кабинет — собирать вещи в дорогу.

Неудача больно уколола его. Хорошо хоть, он не давал князю твердых обещаний. Князь Цзинь великодушен и, возможно, не станет его карать, но доверие его, безусловно, пошатнется.

Сюньчжи горько усмехнулся про себя.

«Я стою на краю могилы, к чему мне вообще переживать о мыслях князя?»

Он отогнал прочь навязчивые думы, лег на живот и проспал до самого утра.

Едва рассвело, Сюньчжи поднялся, увязал нехитрые пожитки в узел и приготовился уходить. Он знал, что это прощание навсегда, но не собирался тревожить шисюна — хотел ускользнуть незаметно. Сюньчжи до смерти боялся, что, увидев брата, не сможет сдержать чувств. Однако стоило ему переступить порог, как он увидел Жэнь Ши.

Тот, казалось, специально поджидал его. Брат оставался таким же холодным и отрешенным. Он не стал произносить напутственных речей, лишь протянул Сюньчжи увесистый сверток.

— Здесь лекарства, которые я отобрал для тебя. Если примешь их все, сможешь продлить жизнь еще лет на двадцать, а то и тридцать. А это — бумага Сюэ Тао, я наложил на нее заклятия. Если тебе что-то понадобится, напиши письмо, сложи из него бумажную птицу и отпусти — она сама найдет дорогу ко мне.

У Сюньчжи защипало в глазах, но, будучи человеком в годах, он не позволил себе расплакаться, как дитя. Он принял сверток, осыпал брата словами благодарности, напоследок пообещал увидеться вновь и начал спускаться с горы.

Горная тропа была извилистой и крутой. Сюньчжи, не до конца оправившийся от ран, шел медленно. Проходя мимо монастыря Сюаньду, он на мгновение замер у ворот.

Когда-то он был подкидышем, оставленным у этого самого порога, и вырос здесь маленьким

послушником. Он всё еще помнил имена тех, с кем делил кров в детстве, но время никого не пощадило — его сверстников давно не было в живых.

Сюньчжи не стал заходить внутрь — лишь перевел дух у врат и продолжил путь.

У подножия горы ждал экипаж. Возница, коротавший время за чаркой вина в придорожной лавке, завидев господина, со всех ног бросился навстречу, подхватил узел и помог Сюньчжи подняться в карету.

— Господин Гу, мы возвращаемся?

Сюньчжи лишь молча кивнул. Возница, помогая ему устроиться, не умолкал:

— Поначалу я ворчал, что управляющий отправил меня в такую даль, а место-то здесь на диво приятное. В кабаке у дороги подают какое-то «Холодное родниковое вино» — вкус просто отменный!

Сюньчжи взглянул на него:

— Ты славно потрудился в этой поездке.

— О чем вы, господин Гу! Служить князю и вам — какая уж тут усталость.

Устроившись на сиденье, Сюньчжи достал из кармана два лян серебра и протянул вознице:

— Раз тебе так понравилось это вино, купи пару кувшинов с собой. Местная родниковая вода удивительно чистая и ледяная, вино на ней выходит особенное — в других краях такого не сыщешь.

Тот просиял, принимая награду:

— Раз вы так говорите, господин, обязательно куплю. Благодарствую!

Пока возница бегал за покупками, Сюньчжи поудобнее устроился в карете и развернул сверток брата.

Сверху лежала стопка листов бумаги Сюэ Тао. Сюньчжи принялся внимательно их рассматривать: бумага была изысканной, каждый лист отличался особым оттенком и узором. Его до глубины души поразило, что суровый шисюн пользуется такими «женскими» вещицами.

«Наверняка подарок какой-нибудь дамы», — подумал он, и на сердце стало как-то беспокойно.

Тем не менее он бережно спрятал бумагу за пазуху и лишь затем принялся за лекарства.

Брат подошел к делу с исключительной тщательностью: на каждом флаконе и горшочке красовался ярлык с названием и способом применения. Перебирая сосуды, Сюньчжи видел в основном те укрепляющие снадобья, которыми его поили в последние дни. Но, помимо эликсиров для восстановления меридианов, там оказалось несколько флаконов с пилюлями для почернения волос.

«Неужели шисюн настолько одержим моей сединой? Неужели он всерьез верит, что эти пилюли вернут мне юность?» — Сюньчжи коснулся своих белых прядей и невольно горько усмехнулся.

Впрочем, столько лекарств ему ни к чему — он решил отвезти их князю. Тот в последнее время сильно сокрушался из-за пробивающейся седины, так что подарок будет кстати.

Прикидывая в уме, сколько здесь флаконов, Сюньчжи дошел до четвертого и вдруг заметил, что надпись на нем отличается от остальных.

Зрение уже начало подводить его — чтобы разобрать мелкий почерк, приходилось отодвигать руку подальше. Сюньчжи откинул занавеску кареты, подставил флакон под солнечные лучи и прищурился.

Это не были пилюли для волос. И вообще не лекарство.

Это был флакон с благовонием «Пьяный сон».

<http://bllate.org/book/17555/1708774>